

гах» он извратил их. Как это произошло?

Определив жанр пьесы как сатиру на русское буржуазно-дворянское общество, режиссер спектакля В. Молчанов фактически повел актеров по пути «игры отношения».

Главные обличительные стрелы были направлены против Василькова. Ему, например, отказано в какой бы то ни было любви к Лидии Чебоксаровой, допускается лишь, как объяснил постановщик, «голая физиологическая страсть». Единственное, что руководит Саввой Геннадием, — это грубый расчет, необходимость иметь «такую жену». Даже обращенные к Лидии слова Василькова в пятом действии «любя вас» из суфлерского экземпляра вычеркнуты.

Васильков в исполнении арт. Н. Филиппова человек сухой, черствый, принимающий всерьез только вопросы своего «бюджета». Нигде он не загорается по-настоящему, не радуется, не волнуется. Кажется, что актер больше всего на свете боится вызвать интерес к своему герою.

В том же плане дана характеристика Лидии (арт. В. Светлая). Она не имеет даже следов того очарования, которое свойственно молодой, красивой девушке. По концепции спектакля ей и нельзя быть обаятельной. Спектакль ничего не рассказывает об индивидуальной судьбе героини, совсем не ставится вопрос, как Лидия дошла до такой жизни, в каких условиях формировался ее характер. Обличительная тенденция театра оказалась построенной на песке.

Стремление «обличать» в спектакле Томского театра «Бешенные деньги» исходит не из глубокого раскрытия сущности социально-исторических явлений, а из схематизации и вульгарного социологизирования. Режиссер неправильно понял свою задачу, считая, что преувеличение и заострение характера при создании отрицательных сценических образов предполагает упрощение, отрицание их жизненной сложности и значимости.

На этом ложном пути постановщик, естественно, не мог найти себе союзника в Островском, драматургия которого не терпит предвзятого формалистического истолкования. Спектакль, оставив нетронутыми целые пласты глубокого социального и психологического содержания пьесы, очень много проиграл в своей идейной и художественной ценности.

Такое расхождение с драматургическим материалом, вопреки благому намерению

режиссера, приводит к прямому искажению подлинной классовой сущности героев Островского. Так, чтобы представить Кучумова (арт. Л. Развозжаев) ничтожным, отталкивающим, усиленно акцентируется его дряхлость и сластолюбие. В результате этот «важный барин, в отставке» превращается в смешного водевильного старичка, без той острой и злой социальной характеристики, которая дана ему великим писателем.

В окружении дурных и оглупленных людей в весьма симпатичную фигуру вырастает вдруг Телятев. В исполнении арт. А. Донкина он просто славный повеса, не отвратительный циник, а веселый философ, потешающийся над человеческими слабостями. И когда Васильков говорит Телятеву, что в омуте, развратившем Лидию, тот опасней всех, то это звучит бездоказательно.

Неудача спектакля «Бешенные деньги» учит коллектив, что настоящая обличительная сила театрального искусства, раскрытие в яркой художественной форме социальной сущности явлений возможно лишь при глубоком проникновении в содержание объективной действительности, нашедшей отражение в драматургическом произведении. Только после этого художник в состоянии создать положительный или отрицательный типический образ, имеющий воспитательное и познавательное значение.

Многие актеры не были согласны с режиссерскими установками. Однако, если бы взгляды режиссера в самом начале работы над спектаклем были подвергнуты обсуждению на творческой дискуссии, на производственном совещании, театр избежал бы серьезной ошибки.

Идейный и художественный рост советских актеров, беспрестанное повышение требований зрителя к искусству обязывают руководителей театров создать все условия для того, чтобы помочь верной и ищущей мысли каждого участника творческого коллектива претвориться в ярких сценических образах.

Дела и дни Томского театра — пример того, как растет сознание работников советского театра, пример богатых, но далеко еще не использованных возможностей.

Только при глубоком осмыслении важнейших вопросов советского искусства, поставленных нашей партией, советский театр может достигнуть новых идейно-художественных высот.